

VO-PERVYX

člověk

mensch

человек

inimã

pessoa

homo

ὁ ἄνθρωπος

ihonon

人

adam

manus

gizon

onin

peyjāna

ਮਨੁੱਖ

ndam

per

manusia

個人

ci

Banka

ਅਦਨੀ

ādām

ਮੈਂ-ਨੇ

மனாதல்

riant

manitnan

njeriu

ДТХ

nofo

aukē

ਮਨਿਨ

namir

jan

mt

sadamā

latī

mteja

nam

popol

elc

nan tawo

saki

aja

nam

mursi

saki

ਮੁਸੁ

rija

nan tawo

ਨਾਨ-ਤਾਵੋ

මනුෂ්‍ය

လူ

လူ

čovavis

Рянсо Фиявече

Во-первых

«Автор»

2026

Фиявече Р.

Во-первых / Р. Фиявече — «Автор», 2026

Книга без лица, но с большим сердцем. Мы не знаем, кто рассказчик. Ни пола, ни имени, ни национальности — ничего. Но мы пройдем с ним путь с самого детства. Это хроника выживания человека, запертого в созависимости с матерью. История становится зеркалом для каждого, кто хоть раз чувствовал себя чужим в собственной семье. Честная исповедь о том, как трудно обрести собственное лицо, когда у тебя забрали детство.

© Фиявече Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Рянсо Фиявече

Во-первых

Глава 1

— Выглядываю утром в окно, а там в траве лежат два человека без сознания. Я быстро вызвала скорую, набрала бутылку воды, схватила какую-то еду и побежала вниз помочь им, — мама рассказывает за ужином, аккуратно раскладывая каждому порцию салата.

— Долго ехала скорая? — отец даже не поднимает глаз от тарелки.

— А что с ними случилось?! — выкрикиваю я, приподнявшись со стула и подавшись вперед.

Шлепок. Боль резко проникает от рта до ушей. Губы немеют, а челюсть покалывает. Стараюсь задержать дыхание, чтобы слезы не потекли и она не ударила еще раз. Мама так меня воспитывает. Учит не перебивать взрослых, когда они разговаривают.

— Быстро приехали. Оказалось, ребята слишком много выпили и уснули. Я отдала им продукты, сигареты тоже — с похмелья обычно тянет покурить.

— Ладно, всем спасибо, я наелся, — отец скрипуче отодвигает стул.

Вечером мама собирается в театр. Я люблю за ней наблюдать. Смотреть, как она пудрится и вычерчивает контур губ красной помадой. Как завивает длинные, блестящие, рыжие волосы, сродни русалочьим. Дома она ходит в шелковом зеленом халате, который переливается при каждом шаге. И с самого первого воспоминания я искренне верю, что она и правда русалка.

Мама — очень красивая женщина. Когда она идет по улице, люди всегда оборачиваются. Когда она приходит ко мне в садик, все с удивлением спрашивают: «У тебя мама что, актриса?»

У нее есть магическое тайное влияние на всех. Мне не особо важно, чтобы она со мной играла, пела или танцевала, даже разговаривала. Мне достаточно видеть её. Я часами могу рассматривать ее профиль, одежду, ловить ее смех. Следить, как меняется цвет радужки: она становится голубой рядом с белой шторой и ярко-зеленой, стоит ей накинуть свой халат.

Папа был юристом. И не мне папой. Однажды, придя из садика, открываю шкаф — на моей полке лежат какие-то чужие вещи. Иду на кухню, слышу грубый голос и запах табака: там мама с каким-то мужчиной. Высокий, красивый, но уже седой. Глаза — серые ледышки. Сидит в футбольной форме.

— Знакомься, это Александр, теперь он часть нашей семьи, — объявляет мама, искрясь от радости. До этого мама меня знакомила с несколькими ухажерами. Я помню Петра — он научил меня запускать йо-йо. Помню Илюшу — он купил мне первые книги. Но Александр остался очень надолго. Каждый раз, когда он немного выпивал, он заходил ко мне в комнату с намокшими ресницами и говорил, что я его родной ребенок и ничего в жизни это не изменит.

— Мне задали в садике придумать 10 слов с буквой «у». Утка, улитка, урок... что еще можно?

— Ручка, капуста, — отвечает папа, не отрываясь от футбола.

— Но они не начинаются на букву «у».

— А где в задании указано, что слово должно начинаться на эту букву? Оно должно ее содержать. Соображай, детеныш.

— Точно.

— Старайся тренировать в себе внимательность к деталям. Это тебе всегда поможет, — бросает он и снова утыкается в прыгающий по полю мяч.

Глава 2

— С днем рождения, ребенок! — мама садится на край кровати. Она уже нарисовала губы и заколола рыжие локоны жемчужной заколкой. — Займись пока чем-нибудь. Я накрашу ногти, и пойдем в парк аттракционов.

— В парк?.. — я еще не осознаю, сон это или реальность, и сильнее кутаюсь в одеяло.

— Да. Приедет Тина и тетя Лариса. Завтрак на столе.

Она ушла в ванную, оставив после себя запах лака и духов.

— Они опаздывают, — мама недовольно присаживается за столик уличного кафе. — Я закажу что-нибудь, а ты иди поиграй.

Покатавшись на ракетках, качелях-перевертышах, каруселях, я замечаю, что уже темнеет. Дыхание прерывается, а бок покалывает от бега. Подхожу к кафе, вижу издали только ее длинное белое платье. Мама спит, облокотившись на стол; на нем стоит одна большая стеклянная бутылка.

— Мам?

Нет ответа.

Я тащу ее до такси, отчаянно стараясь не испачкать ее новый наряд. Не получается. Она выскользывает, падает и разбивает колени. Уже дома я смываю с нее грязь, укладываю в постель и мажу зеленкой ссадины: на коленках, на предплечье и немного у виска.

Сажу на кухне со своим праздничным тортом, украшенным малиной. Она знает, что я люблю все с малиной. Желаю, чтобы мама всегда была со мной рядом.

Мы пришли к тете Ларисе в гости. Они с мамой, как всегда, заперлись на кухне. Слышно только, как заходится в гоготе тетя Лариса, и этот звук смешивается с едким запахом табака.

— Извини, мы не смогли приехать на день рождения, — пролепетала Тина, держа что-то за спиной. У нее коричневые волнистые волосы, губки, как у утенка, и вечно ободранные колени. Она очень шумная и невероятно быстрая. Иногда казалось, что она везде и всегда вверх ногами. Они одинаково раскатисто смеялись с ее мамой, как если бы кто-то разбил тысячу колокольчиков о стену.

— Это тебе, я сама выбирала. — Она достала альбом для рисования в твердой обложке и огромный набор карандашей. — Надеюсь, ты не против, я на первой странице кое-что нарисовала для тебя сама.

— Ой, это же я! На лодке! Мы тогда все вместе ездили на рыбалку.

У Тины истинный талант. Для меня рисование — это лишь способ занять время, для нее — целый мир.

— Пошли, кое-что покажу, — шепчет она. Мы тихонько проскользываем в ванную... Я сразу понимаю, что сейчас будет. У Тины есть любимая игра. Она наливает полную ванну и забирается туда, погружаясь целиком в воду. Она умеет настолько долго задерживать дыхание, что у нее синеют губы. Тина притворяется, что захлебнулась и умерла. Каждый раз меня пробивает дрожь, как в первый. И каждый раз, улавливая, что это шутка, все равно всё сжимается. И невольно руки сами вырываются ее вытащить из воды.

Уже за полночь. Тина разрисовывает мне ладонь красками.

— Котик, пора домой, прощайся с Тиночкой, — в комнату заходит мама.

Я пытаюсь зашнуровать кроссовки, мама ждет в дверях. Тишину разрывает грохот и резкий вой. Тетя Лариса толкнула Тину, и та расшибла затылок о раковину.

— Я тебе сколько раз повторяла: не мешайся под ногами! — рывкает тетя Лариса.

Тина хлопает носом в углу.

Мне жалко, что ей так больно. Но и мамой быть, наверное, трудно.

Глава 3

— Детеныш — папа шепчет это почти над самым ухом и дергает меня за плечо. — Эй, проснись. — Он аккуратно стучит указательным пальцем мне по носу. За окном стоит глубокая ночь.

— Что?

Он сидит на корточках перед моей кроватью.

— Вставай, одевайся, — он изучает мое лицо и оценивает степень сонливости. И чем выше поднимается его оценка, тем более неловким становится взгляд.

— Пап, еще темно.

— Нам придется ненадолго уехать.

Он вытаскивает из шкафа мои колготки и штаны.

— Не пойду, там холодно, — я пытаюсь вынуть пятку из-под одеяла, и меня тут же бьет озноб.

— Не капризничай.

Папа безуспешно пытается просунуть мне руки в рукава кофты.

— Я уже умею одеваться самостоятельно если что, — я вырываю у него кофту и натягиваю на себя.

Меня колотит от холода и от раздражения.

— Иди быстренько умойся, я жду тебя у выхода.

В ванной пытаюсь придать себе хоть немного бодрости, но злость окутывает меня.

На полке стоит новый папин флакон духов — дорогой, в тяжелом матовом стекле. Мама подарила его на день рождения. Я открываю крышку и выливаю половину в раковину, а внутрь набираю обычную воду из-под крана.

— Будешь знать, как будить меня по мелочам. Так-то.

Мы шагаем сквозь сугробы к остановке.

— Я одолжил другу машину, а он застрял на трассе. Нам нужно его выручить. Мама уехала, не оставлю же я маленького ребенка дома.

Он постоянно потирал ладони друг об друга и прятал подбородок в воротнике дубленки.

Мы заходим в трамвай. Он сажает меня на колени и обнимает.

— Смотри, как ярко. — Он разворачивает меня к окну.

В темноте пролетают огни машин и контуры зданий. Желтые блики плывут по стеклу, унося с собой остатки ночного раздражения. Папа берет мои ладошки в свои, согревая. Он прижимается губами к моей макушке, выдувая теплый воздух и щекоча затылок.

— Я бы тебя по мелочи никогда не разбудил — он немного запинаясь. — Но это друг. Понимаешь? Мы с ним с твоего возраста всегда вместе. Я не мог оставить его в беде.

Становится невыносимо жарко, как если бы меня живьем затолкали в печь. Особенно сильно тлеют уши.

— Па-ап, — что-то жалкое скребется в душе.

— А?

Я знаю, что никогда не найду в себе смелости признаться. Он ведь никогда меня не ругает. Даже голос на меня не повышает, что я не натворю.

— Ничего.

Глава 4

Мы переехали в новую квартиру. Огромную, залитую солнцем, со стеклянными дверями, переливающимися потолками и деревянным расписным столом на кухне. Мама обожала такие красивые и элегантные вещи. Она постоянно пропадала в магазинах, покупая скатерти, салфетки и изящные статуэтки.

Родители хотели поскорее закончить ремонт и найти мне школу. Поэтому на лето меня отправили к бабушке. Бабушка жила рядом с морем, в кирпичном доме с верандой, собакой на цепи и цветочным садом. Называть её «бабушкой» ни у кого язык не поворачивался. Её лицо обрамляли короткие, чуть ниже ушей, белые завитушки. Издалека она казалась одуванчиком. Каждое её утро начиналось с бигуди и кофе на веранде. Она носила только белый цвет, много золота и любила разные изысканные штучки, как и мама.

— Пойдем сегодня купим тебе новые шорты? А старые оставишь для двора, чтобы с собакой носиться, — она накрывала завтрак во веранде.

— Давай.

— И за булочками твоими заглянем.

Мы позавтракали. Бабушка считала, что после еды надо всегда расслабиться. Мы пошли в спальню с огромной кроватью под атласным покрывалом. Она наглухо зашторила окна. Бабушка повторяла, что отдыхать и спать нужно только в глубокой темноте.

Вопреки низкому росту и миниатюрности, бабушка отличалась невероятно крепкой хваткой. Она с легкостью тягала пятидесяти килограммовые мешки.

Прижав меня к себе, она начала гладить мое плечо и на ухо шептала какую-то историю. И в этой чернеющей темноте не существовало ничего, кроме её ласкового голоса и прикосновений.

По вечерам мы расстилали покрывало во дворе и смотрели на звёзды. Она делала свое фирменное мороженое: раскладывала пломбир, обязательно в красивую хрустальную пиалу, терла сверху шоколад и засыпала малиной. И так мы сидели до глубокой ночи.

— Бабушка, а во что ты играла, когда была маленькая?

Она прищурилась, вглядываясь в небо.

— Ну, нам было особо не до игр, мы помогали матери по хозяйству и с огородом, отцу со скотом. Чаще мы этим занимались. А так, мы иногда любили шить одежду. Тогда мало что красивого удавалось найти, приходилось фантазировать. Мне нравилось рисовать эскизы, а моя сестра шила.

— У тебя что, есть сестра?!

Бабушка засмеялась.

— У меня три сестры. И один брат. Но их уже нет.

— Это как?

— Они погибли.

— Почему?

— Тебе что, прям про всех рассказать? — она закинула голову и специально подвинула руку, чтобы мне на ней было удобно лежать.

— Да!

— Ну слушай, котик, — она откашлялась и вполголоса начала рассказывать:

— Старшая сестра Жанна — самая умная. Она нам мать заменила, та всегда занята бытовыми делами. Купала нас, одевала, уроки проверяла. Жанна вышла замуж, родила двоих детей. Они жили в деревянном доме с большой печкой. И однажды всей семьей угорели, — она уставилась в одну точку на небе и роняла фразы в пустоту, погруженная в свои мысли, забыв о моем присутствии.

— Угорели? Это сгорели?

— Как тебе объяснить — она сморщила нос, будто это помогало ей размышлять. — В домах с печью важно следить за состоянием дымохода. Если его вовремя не почистить, то всё, по дому поползет угарный газ. От него просто засыпают и не просыпаются.

— И детки маленькие тоже?

— Да, котик. И такое бывает.

— А дальше?

— Моя вторая сестра — Лидия — самая красивая. У нее был яркий цвет волос, почти красный, когда мы все, девчонки, бледно-серые. Она мечтала стать дизайнером. Лидия открыла свое ателье в центре города, вышла замуж за очень интеллигентного богатого мужчину. А через несколько лет начала пить. Ушла от мужа, сняла какую-то конуру. Я приехала к ней с грудным ребенком на руках, хотела предложить ей лечение, клинику. Но встретила меня только опечатанная дверь. Соседи подтвердили худшее — Лидия умерла, и неизвестно, где похоронена. До сих пор не знаю, куда к ней прийти. Ведь нельзя так, без прощания, без молитвы, даже без захудалого цветочка, — её голос стал чуть тоньше, но она попыталась вернуть над ним контроль.

— Бабуля моя

Она наигранно улыбнулась, скорее для себя, чем для меня, и повернулась в мою сторону.

— А Катерина — средняя... Мы вдвоем пили чай у неё в гостиной. Муж был на работе, зашел сосед-старик что-то попросить. Они сидели на кухне, посмеивались. И тут приехал муж. Услыхал их — и его как сорвало. Схватил ружье, побежал на кухню. Разборки, скандал — бабушка загадочно покачивала головой, все сильнее отдаваясь воспоминаниям. — Я пытаюсь ему всё объяснить. Он вроде понемногу приходил в себя, но случайно нажал на курок. Прямо в Катерину. Так она и умерла. Ладно, давай закругляться. Не за чем ребенку всё это слушать. Еще уснуть не сможешь.

— Ну, бабушка, ну пожалуйста, мне совсем не страшно. Обещаю крепко спать. Да и ты почти закончила. Осталось только про брата.

— Ладно, быстро про брата, и в постель.

— Угу.

— Мартин. Совсем молоденький, семнадцать лет парнише. Кудри объемные, золотые до плеч. Самый залюбленный был. У папы-то родились четыре дочери подряд, а тут наконец долгожданный мальчик, разрешали ему всё. Поехал он с другом на рыбалку зимой. Плыли они на лодке, друг лишнего выпил да и упал за борт. Мартин его спасать бросился, закинул на лодку, а сам не смог вылезти. Пошел под лед. Такая история. Всё, бегом спать.

— Бабушка, и как же ты живешь?

— Как и все, котик. Больно вспоминать, ну а кому из нас не больно? Всё, бери кружки и в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.